

Л.Э. Заварзина*

ОБРАЗ УЧИТЕЛЯ И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В ОЦЕНКЕ В.В. РОЗАНОВА

В статье рассматривается портрет отечественного учителя конца XIX – начала XX вв., представленный в публикациях В.В. Розанова. Сформировать представление о типичном образе педагога, многие черты которого не утратили актуальности и сегодня, философ смог в том числе благодаря собственному опыту преподавания в российских гимназиях. Автор обращается к изучению вопроса о том, какое значение придавал Розанов личности учителя в развитии системы школьного образования, а также приводит рекомендации философа, выполнение которых, по его мнению, должно было изменить отношение к учителю как государства, так и общественности.

Ключевые слова: В.В. Розанов, учитель, школа, философия образования

The image of teacher in the works of Vasily Rozanov. LYUBOVE. ZAVARZINA
(Voronezh State Pedagogical University)

The article examines the portrait of a Russian teacher of the late XIXth – early XXth centuries, presented in the publications of Vasily Rozanov. The philosopher was able to draw a vivid image of a typical schoolteacher, many of whose features have not lost their relevance today, in part due to his own teaching experience in Russian gymnasiums. The author turns to the study of the question of what importance Rozanov attached to the personality of a teacher in the development of the school education system and lists the philosopher's recommendations, the implementation of which, in his opinion, should have changed the attitude of both the state and the public towards teacher.

Keywords: Vasily Rozanov, teacher, school, philosophy of education

Чаще всего исследователи многогранного творчества В.В. Розанова называют его глубоким и оригинальным мыслителем, ярким и страстным публицистом, «все видящим» литературным критиком, незаурядным писателем, плодовитым автором, избравшим для освещения много разнообразных тем, касающихся прежде всего литературы, религии, семьи, государства и права. Однако нередко в стороне остается еще одна тема, которой В.В. Розанов был верен на протяжении всей творческой жизни,

– педагогическая. После многих десятилетий забвения В.В. Розанова, обусловленного идеологическими причинами, наши современники только начинают открывать для себя этого автора. Неудивительно, что современное российское учительство в своем большинстве не знает В.В. Розанова-педагога. Но более поразительно то, что даже представители научной мысли порой скептически относятся к этой ипостаси автора «Уединенного» и «Опавших листьев». Возможно, определенную нега-

* ЗАВАРЗИНА Любовь Эллиевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей педагогики гуманитарного факультета Воронежского государственного педагогического университета.

E-mail: lyubovzavarzina@mail.ru

© Заварзина Л.Э., 2021

тивную роль в этом сыграла книга «Розанов» А.Н. Николукина, крупнейшего исследователя жизни и творчества русского философа, главного редактора «Розановской энциклопедии», изданная в серии «ЖЗЛ»: в ней совершенно не освещена педагогическая деятельность Розанова и не проанализированы его педагогические взгляды [9]. Вместе с тем в творческом наследии В.В. Розанова вопросы образования, педагогики, целей воспитания, взаимоотношений семьи и школы и многие другие, относящиеся в широком плане к педагогическим, занимают заметное место.

Такое внимание к проблемам воспитания и образования объясняется прежде всего фактами биографии мыслителя. Как известно, интеллектуальная история немислима без биографического анализа. В.В. Розанов, оставшись в 14 лет круглым сиротой, воспитывался в семье старшего брата Николая, работавшего учителем сначала в Симбирской, затем Нижегородской гимназии, а впоследствии возглавлявшего прогимназию в Белом Смоленской губернии и гимназию в Вязьме. О нем с искренней благодарностью вспоминали как гимназисты, так и коллеги. В.В. Розанов после смерти брата писал, что всегда стремился определить «источник его замечательных успехов как педагога». Этим источником, полагал мыслитель, были «внутренняя правота, светлая вера в будущее, доверие, уважение к настоящему» [13, с. 321]. В красноречивом отзыве чиновника казначейства г. Белого содержится справедливая оценка деятельности директора прогимназии Николая Васильевича Розанова, который «не заставил плакать ни одного родителя, не погубил судьбы ни одного ученика», а за 13 лет его службы «не было в прогимназии ни одного случая исключения» [13, с. 321].

Таким образом, еще подростком, в период обостренной восприимчивости к любой информации, В.В. Розанов был свидетелем, а может быть, и участником профессиональных разговоров, которые, конечно же, велись в семье брата. Темы бесед, разумеется, были проблемы отечественного образования, в частности, Симбирской и Нижегородской гимназий, ее учителей и учащихся. С другой стороны, взгляды брата, его деятельность и в должности учителя, и в должности руководителя учебных заведений явились для Василия Розанова позитивным примером замечательного педагога, представлявшего немногочисленную дружину «русских

учителей, в руках которой просвещение подрастающих поколений» [13, с. 323].

Не следует забывать и о двенадцатилетнем учительском опыте, приобретенном В.В. Розановым в учебных заведениях Брянска, Ельца, Белого Смоленской губернии, где он имел возможность наблюдать деятельность школы изнутри, делать «зарисовки» учителей, чтобы впоследствии представить российскому образованному обществу типичный портрет отечественного учителя. Мыслитель, в частности, отмечал, что ему пришлось жить среди молодых и старых учителей, «с различным прошлым, с неодинаковым темпераментом и складом ума и характера», и поэтому он имеет право высказывать свое мнение о российском учителе в целом. Его размышления, посвященные учителю, специфике его труда, взаимоотношениям с администрацией школы, учащимися, их родителями, обществом, содержатся в статьях «Афоризмы и наблюдения», «Педагогические трафаретки», «Беспочвенность русской школы» и многих других. Не лишены раздумий автора над этими вопросами и его книги «Уединенное», «Опавшие листья», «Русский Нил».

В.В. Розанов высоко оценивал деятельность учителя, он справедливо полагал, что «школа – это только и всецело учитель; учитель – во-первых, учитель – во-вторых, учитель – в-третьих, и только в-четвертых еще что-нибудь» [13, с. 792]. Однако, несмотря на столь важную роль, которую учитель играет как в школе, так и в целом в образовании будущих поколений, его значимость недооценивается государством. В результате, заключал В.В. Розанов, «в деле педагогики мы идем гигантскими шагами назад. Цветет формализм – тускнеет молодежь в школе; развивается система – суживается, сморщивается до уродства, до “нет” учитель...» [13, с. 821].

Труд учителя чрезвычайно сложен, специфичен, его субъект испытывает не физическую усталость, а *психическое изнеможение* (заметим, современные психологи называют это эмоциональным выгоранием). Неслучайно сроки выслуги пенсии в Министерстве народного просвещения равнялись 25 годам работы учителя, служащим же других министерств и ведомств следовало иметь 35-летний стаж для получения пенсии. Кроме того, В.В. Розанова удивил тот факт, что у учителя, как кожа и мускулы у рабочего на фосфорной фабрике, «ранее всего атрофируется то именно, чем он

обращен к предмету труда своего – душа, ум, целый психический строй», то, без чего он не может выполнять свои профессиональные задачи: «оказывать беспрерывное, ежеминутное и самое утонченное внимание к нуждам сотен и сотен образующихся юных существ» [13, с. 738]. Хотя у представителей других профессий сохраняются здоровыми и деятельными именно те органы, которые наиболее важны для данного вида труда: у охотника – ноги и глаза, у мыслителя – ум.

В.В. Розанов констатировал, что в стране есть общества, оказывающие помощь заключенным в тюрьмах, животным, но нет никого, кто бы проявил заботу об учителе. Между тем представители этой профессии более других образованны, гуманны, благожелательны, но преждевременно искалечены, поскольку уже на 12-м, реже на 16-м – 18-м году своей деятельности становятся инвалидами, нуждающимися в заботе о себе. Общество часто с презрением относится к этим несчастным людям, не имеющим никаких внешних атрибутов страдания, «кроме одного, впрочем, но зато общего, лежащего уже на всех: выражения их лица, их движений, манеры держать себя и говорить» [13, с. 738]. Понурая фигура учителя, с рассеянным взглядом, не стремящаяся радостно приблизиться к обществу, всеми узнаваема. «Учитель для всех странен, всегда и для всех чужд. Живой, беззаботный смех – вот чего никогда, ни в каком состоянии вы не услышите от учителя <...> Он все может *изложить*, но никогда – *рассказать* анекдот. Никогда и никого он не заразит весельем, и даже не оживит, разве – займет несколько. Разговор, если только он не с человеком наедине, а среди общества, уже пугает его самую свою возможностью. По-видимому, он может только научать или выслушивать, и все остальные его способности, умения, – атрофированы» [13, с. 738]. Однако эта характеристика учителя далеко не полная. В.В. Розанов писал, что в огромном большинстве учителя – люди «с чрезвычайно тонким душевным развитием, с талантами, с позывами к научному мышлению и изучению и, что несравненно важнее этого, – душевно чистые». Среди них, особенно заброшенных в глухую провинцию, можно встретить тех, кто начинал серьезно заниматься музыкой, живописью, переводами. В случайном, уединенном разговоре с учителем можно заметить «бездну еще не замерзшего интереса к жизни, далекой, чужой,

ему ненужной жизни»; иной раз случайно можно узнать о помощи, которую учитель оказывал бедному ученику или его семье. И вот эти люди, заключал Розанов, интересные, душевные порознь, в совокупной своей деятельности являются в таких чертах, что ненавидимы учениками, городом; вредны семье, церкви; но даже более, «нежели ненавидимы, – презираемы всюду и всегда, и это знают» [13, с. 739].

Учитель – этот мягкий, высокообразованный человек, на уроке же бывает «угрюм, рассеян, несправедлив, жесток». Чем обусловлены эти метаморфозы? В.В. Розанов полагал, что причины этого поразительного явления скрыты в сущности учительского труда. Вот некоторые аспекты, выделенные мыслителем. Во-первых, учителю нужно не только изложить новый учебный материал, но и суметь заинтересовать им гимназистов, «а в неспособности, рассеянности, тысячи недостатков со стороны слушающих, – ответить на каждый из этих недостатков соответствующим способом воздействия, который так или иначе, но непременно направил бы их внимание на нужное» [13, с. 739]. Во-вторых, учителю приходится излагать один и тот же учебный материал из года в год, да еще бывает несколько раз в день, что заставляет педагога искать другие способы изложения урока, иную манеру повествования, но такую, чтобы не показаться смешным или неуместным. Каждый учебный день – это одна двухсотая часть учебного года, похожего один на другой, мрачно описан Розановым: «Эти дробы – на фоне оставленной, никогда почти не видимой семьи, падающих сил, возрастающей с детьми денежной нужды, уже долголетнего и все, кажется, напрасного заискивания перед начальником, наконец – отчуждения от всех людей, сознания ненужности делаемого дела» [13, с. 740].

Однако урок, даваемый в классе, – это не единственная забота учителя «и даже не самая настоящая»; даже если он проведен плохо, это не ведет за собой какого-либо немедленного наказания. Но не составленная вовремя ведомость – это неприятность, которую ничем оправдать нельзя; также нельзя не обойти хотя бы раз в месяц ученические квартиры, выполнить обязательное количество классных работ, выписать в кондуитскую книгу все шалости учащихся, подвергнув их статистике. И еще много других обязанностей, которые должен выполнить учитель. Но есть и такие, которые внешне никак не проявляются, ведь никто не может за-

глянуть в растревоженную душу учителя, когда, как ему кажется, по его вине был исключен ученик, способный, любознательный, любимый, не выдержавший ревизии гимназии (по разным причинам, часто формальным, не справившийся с проверочной работой). Обилие обязанностей, тесное взаимодействие с формирующимися личностями, обусловили заключение, к которому пришел В.В. Розанов: «Жестокий, глупый, несправедливый, он же и умный, изболевший в сердце человек – вот учитель» [13, с. 741].

Министерство народного просвещения не осознавало специфики учительского труда, либо приравнивая его к деятельности чиновника, либо видя в нем «ремесленника на ремесле». Это узкое понимание администрацией деятельности учителя стало особенно заметно в ходе гимназической реформы 1870-х гг., когда при повсеместном – и в прогимназиях, и в гимназиях – введении преподавания древних языков для этих целей из-за границы (преимущественно из Австро-Венгрии) приглашались учителя, при этом выпускники российских духовных семинарий и академий к преподаванию не привлекались. Критерием отбора учителей для министерских чиновников являлась вовсе не личность педагога и не умение преподавать, а документ, свидетельствующий о его профессиональном знании древних языков: этого было достаточно, чтобы на 25 лет поручить учителю-иностранцу обучать гимназистов где-нибудь в Калуге или Орле. «Такт его или бестактность в обращении с учениками, талант или неспособность к преподаванию» – все это не беспокоило министерских чиновников, даже «самая мысль об этом не приходила на ум, и, в общем, она до сих пор отсутствует в учебном мире» [13, с. 766]. К сожалению, констатировал Розанов, учителя гимназий не выбираются, а назначаются; к преподаванию они нигде и никогда не готовились, их преподавательских способностей никто не испытывал, да они, как это ни парадоксально, и не нужны. «Наблюдение, которому учитель потом подвергается, есть более административное, чем педагогическое». Главное – исправно относиться к службе: не пропускать уроков, не являться в гимназию в нетрезвом виде. Выполнение этих условий гарантирует ему сохранение должности, даже если его педагогические способности будут нулевыми или отрицательными.

В.В. Розанов был категорически против пренебрежения личностью учителя, справедливо

полагая, что «он-то и есть центр и душа школы, единственный ее реальный и значащий творец» [13, с. 781]. Однако «рыцари классицизма», как иронично назвал М.Н. Каткова и его друга П.М. Леонтьева П.Ф. Каптерев, отрицали важное воспитательное значение личности учителя. В.В. Розанов, опираясь на статью М.Н. Каткова, познакомил читателей с мнением этого влиятельного человека, касающимся такого педагогически значимого понятия, как личность учителя. Издатель журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости» проанализировал программу Министерства народного просвещения по русской словесности для гимназий и сравнил ее с программой немецкой словесности для прусских гимназий. Он отметил, что количество часов, отводимых на изучение немецкой словесности, меньше, чем на русскую: надо срочно пересмотреть программу по русской словесности и поступить по-немецки, т.е. уменьшить количество часов, отводимых на изучение русской литературы. М.Н. Катков также заметил, что немецкие гимназисты учатся «правильному употреблению своего языка», а наши гимназисты «изучают личность своего учителя» [13, с. 782]. Публицист и издатель предлагал не только сократить количество часов на изучение русской словесности, но и вообще упразднить такой учебный предмет, как история. «Эти излишние уроки, – писал Катков, – суть такая же трата времени, как и излишние уроки русской словесности. Эти излишние уроки будут раскрывать для созерцания учащихся не какой-либо предмет, а собственную личность преподавателя, которая, без сомнения, не входит в план гимназического учения» [13, с. 783].

В.В. Розанов был глубоко возмущен такой установкой влиятельного консерватора, в статьях которого и, видимо, в руководимом им московском лицее Цесаревича Николая «личность учителя особенно усиленно пренебрежена. Работает собственно “программа”, работает “устав”». Такое же отношение к личности учителя, педагога вообще было свойственно и министру народного просвещения графу Д.А. Толстому [13, с. 783].

Консервативный характер гимназической реформы 1870-х гг. привел к «потере лица» учителя, который должен был действовать строго по инструкции. Он не мог «ни ступить в сторону, ни ступить вперед или назад». При такой организации образования учителя «через 5–8 лет службы становились мумиями», и все это по-

тому, что «в учителе не признавалась личность, свой характер, некоторое своеобразие взглядов, приемов, убеждений, манер» [12, с. 118].

О том, какую важную роль играет личность учителя в становлении личности ученика, рассказал В.В. Розанов в «Русском Ниле». Иллюстрацией послужил пример из жизни автора. Светлой личностью учителя оказался не гимназический педагог, а, говоря современным языком, репетитор, которого попросили заниматься с практически отстающим подростком Васей Розановым. Вспоминая о нем, мыслитель с уважением называл имя учителя полностью: Николай Алексеевич Николаев, ученик последнего класса гимназии. «Он сам весь светился любовью к знанию и непрестанно и много читал. <...> и я просто стал читать то же, что он», – писал Розанов [14, с. 555]. Николаев, как вспоминал автор «Русского Нила», особенно ничему не учил, не наставлял ученика, разве в первые месяцы занятий, но сумел возбудить в нем жажду к знаниям «милыми, прекрасными, охотными разговорами-рассуждениями-разъяснениями» [14, с. 556]. Сам учитель, чрезвычайно много читая, стремился поделиться новыми знаниями с подростком. Так благодаря субъект-субъектным отношениям между ними сложилось педагогическое взаимодействие. Николаев не мыслил свою жизнь без самообразования – необходимого качества хорошего учителя, и это уважение к знанию, любовь к чтению передались и ученику.

Учитель, продолжал свои размышления В.В. Розанов, не должен воспринимать свою педагогическую деятельность как «четвертьвековое мученичество и мучительство». Поэтому надо учитывать индивидуальные особенности будущего педагога, его интересы и пристрастия. Однако в действительности все обстояло иначе. На повсеместные сетования о том, что нет искусных учителей в гимназиях, Министерство народного просвещения реагировало так: лучшие кандидаты университетов направлялись в гимназии «в уверенности, что они будут и наилучшими учителями в элементарном и среднем обучении». «Печальное, грубое заблуждение, выросшее на почве администрации, которая все решает по дипломам, обо всем заключает по занумерованным бумагам», – эмоционально заявлял В.В. Розанов и разъяснял, почему такой взгляд является ошибочным [13, с. 661]. Труд учителя отличается от труда ученого. Две психические черты, «которые, в высшей степени

способствуя *научности*, совершенно препятствуют педагогичности: это – быстрота ума, *стремительность соображения* и слишком живая *впечатлительность*». Такие качества необходимы ученому, но плохи в классе: учитель будет торопить учеников, давать объяснения, не учитывающие их возраст, будет раздражаться медленностью «среднего соображения», для большинства гимназистов он станет «несносным, бесполезным и, в конце концов, этою массою ненавидимым учителем». Хорошими учителями, по мнению В.В. Розанова, являются не лучшие, «но именно более вялые питомцы университетов, тихие бегуны на всех поприщах и во всех задачах». Они терпеливы, методичны в объяснениях, полезны школьникам и чтимы ими [13, с. 661]. Таким образом, резюмировал мыслитель, повторяя свою мысль уже в другой статье, «“ученость” и “педагогичность” чаще обратно пропорциональны» [13, с. 801].

Чтобы в российских гимназиях появились хорошие учителя, следует, как полагал В.В. Розанов, изменить систему формирования воспитателей будущих поколений. Пока же учитель – «человек и без того очень общего образования, долгого учения и, следовательно, очень *отвлеченных* интересов», он «обычно рожден в одном городе, гимназию прошел – в другом, университет – в третьем, и службу проходит в четвертом, пятом, шестом. Он – человек *без корней*; в сущности – у него нет *родины*, и, следовательно, – *родного*» [13, с. 707]. У него нет ничего постоянного, лишь отношения временного товарищества. Он, в сущности, коммивояжер просвещения: «никому *он* не нужен, всем нужно то, что он *несет*; и, если он умен, если он человек с сердцем, – что бывает часто, – он становится почти врагом образования, которое так много у него отняло и так мало ему дало» [13, с. 708]. Он приобретет те негативные качества, о которых шла речь выше; половина учителей, по разным причинам, не обзаводится семьей. В «Афоризмах и наблюдениях» В.В. Розанов употребил только черные краски, описывая жизнь учителя, дожившего до вожделенной минуты двадцатипятилетнего служения народному просвещению. К сожалению, счастья это ему не принесло, поскольку он уже «не нуждается ни в чем более, кроме сиделки, компресса на голову, склянки с микстурой, – которые недолго еще будут облегчать последние его страдания» [13, с. 708].

С таким положением нельзя мириться. По мнению В.В. Розанова, школа должна само-

пополняться учителями. «Учитель – местный житель, любимый питомец школы, ею высмотренный, с детства наблюдаемый, испытанный, посланный доучиваться в университет» [13, с. 708]. Его служебное перемещение недопустимо (перевод учителей из одной гимназии в другую был обусловлен плохо исполняемыми ими обязанностями, в связи с чем справедлив вопрос Розанова: Если учитель «стал дурным, зачем наказывать им другой город?»).

В обществе и государстве должен измениться взгляд на учителя, эта профессия должна стать престижной и востребованной. Первый шаг в этом направлении – государственная забота об учителе. Низкая заработная плата отгоняет от школ активных, сильных людей к другим ведомствам, «свободнее поставленным и лучше обеспечиваемым». Кроме увеличения заработной платы учителя, необходимо уменьшить количество недельных учебных часов, проводимых педагогом, количество учащихся в классе. В.В. Розанова поражала недалёковидность власти, проявляющаяся в непонимании того, что в основе прогрессивного развития страны «лежит свет знания». Он видел, что и общественное восприятие учителя до сих пор остается чисто языческим, грубо римским: «“учитель” – это немножко “раб”, конечно, “ученый” раб и все-таки не смеющий возвыситься до сравнения в положении с отцом детей, к которым он приставлен, и который есть для него немножко “господин”» [13, с. 806]. После того, как материальное положение учителя будет улучшено, его статус должен быть поднят и нравственно – «в смысле возвращения ему служебного пиетета». «Пора нашему просвещению снять “зрак раба”, который оно носит на себе, и стать в уровень, плечом к плечу с другими ведомствами» [13, с. 807]. Словом, нужно сделать все для того, чтобы «воскресить учителя в школе», и это будет «альфа воскресения самой школы» [13, с. 821].

Конечно, и сам учитель должен понимать значимость своей профессиональной деятельности, осознавать специфику своего труда, при котором его духовное развитие играет важную роль. Педагогу следует постоянно заниматься самообразованием, расширять свой кругозор, чего нельзя достичь без чтения. В.В. Розанов не мыслил своей жизни без чтения, литературу он считал главной составляющей духовной культуры народа. В «Опавших листьях» он, в частности, писал: «Вся Греция и Рим питались только

литературою: школ, в нашем смысле, вовсе не было! И как возросли. Литература, собственно, есть *естественная школа* народа, и она может быть *единственною* и *достаточною* школою» [15, с. 210].

К сожалению, учителя читают очень мало или вообще не читают. Выдающийся историк С.М. Соловьев, старший современник Розанова, который преподавал не только в высшей, но и в средней школе, с горечью замечал, что из представителей так называемого образованного общества учителя «читают меньше всех». Они, занятые с утра до ночи уроками, откладывают чтение на отпуск, но тот подходит к концу, а «книга остается раскрытой на первой странице». Таким образом, даже молодой учитель «скоро делается старым задавателем и спрашивателем по учебнику» [16, с. 347].

Учитель также должен обладать обширными психолого-педагогическими знаниями, которые помогут ему проникнуть во внутренний мир ученика, увидеть его индивидуальные черты, понять его личность. Эти важные психолого-педагогические сведения о школьнике помогут педагогу следовать принципу индивидуальности, одному из трех предложенных В.В. Розановым для улучшения процесса образования. Согласно Розанову, где индивидуальность не сохранена, подавлена, «там образования совершенно не происходит». Нельзя видеть в ученике «человека вообще», «человек есть всегда *особенное*». «“Личность” – вот его высшее, глубочайшее определение, и отвечая этому определению, каков бы ни был тип школы, система образования только та будет образовательною, где не будет нарушен этот принцип индивидуальности» [13, с. 693].

Тот педагог сможет лучше узнать индивидуальность школьника, который обладает умением слушать. В.В. Розанов, в частности, подчеркивал: «Есть дар слушания голосов и дар видения лиц. Ими проникаем в душу человека». К сожалению, не всякий человек, в том числе педагог, умеет слушать. «Иной слушает слова, понимает их связь и связно на них отвечает. Но он не уловил “подголосков”, *теней звука* “под голосом”, – а в них-то, и притом в них одних, говорила душа» [15, с. 109]. Когда ученик осознает, что учитель его внимательно слушает, потому что не торопит его, не имеет равнодушного и скучного вида, тогда школьник может решиться на сокровенный рассказ о себе и поведать педагогу нечто личное, не ба-

нальное. В такие минуты рождается доверие к учителю, который для ученика, говоря языком современной науки, становится референтным лицом. Формулировка Розановым такой ситуации обрела статус афоризма: «Рассказ другому есть выражение расположения к другому» [15, с. 56].

Каким же учителем был сам В.В. Розанов, обладавший глубокими педагогическими знаниями, создавший, по сути, оригинальную педагогическую концепцию (что доказали современные исследователи [1; 2; 4; 5; 6; 7; 10 и др.]?)

Учитель Розанов принадлежал к той части российского учительства, о которой писал, что они, находясь в глухой провинции, обратились к творчеству. Так, служа в Брянской прогимназии, В.В. Розанов написал свою первую книгу – философский труд «О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания». А в Ельце вместе с учителем греческого языка П.Д. Первовым переводил «Метафизику» Аристотеля (перевод публиковался в «Журнале Министерства народного просвещения» с 1890 г.). В 1888 г. появились первые журнальные статьи Розанова, в 1891 в «Русском вестнике» – «Легенда о Великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского».

Более десяти лет В.В. Розанов совмещал учительство и творчество, но педагогическая деятельность была ему в тягость. Вспоминая Елецкую мужскую гимназию, он писал: «Бесконечно была трудная служба, и я почти ясно чувствовал, что у меня “творится что-то неладное” (надвигающееся или угрожающее помешательство, – и нравственное, и даже умственное) от “учительства”, в котором, кроме “милых физиономий” и “милых душ” ученических, все было отвратительно, чуждо, несносно, мучительно в высшей степени. Форма: а я – бесформен. Порядок и система: а я бессистемен и даже беспорядочен» [11, с. 22]. Взгляды В.В. Розанова на современную ему педагогику и школу обобщены в статьях «Розановской энциклопедии» [2; 4].

По-разному Розанова-учителя воспринимали учащиеся. Вот, например, что вспоминала В.И. Гедройц (1870–1932), ученица Брянской прогимназии (впоследствии – первая в России женщина-хирург, доктор медицины, профессор хирургии): «Из уроков самый интересный – урок географии. Свообразие изложения уносило далеко, распахивало ворота окружающей обыденщины. И “двуликий”, как прозвали мы

Розанова, был другим на таких уроках: он, казалось, жил иною жизнью, жизнью мечты, и лицо его светлело, улыбалось... Забывал он время, забывал, что перед ним второклассницы, говорил о том, чего нет в книгах, – о жизни, о человеке. Но стоило ему услышать шутку, подметить усмешку – глаза прятались за очками, губы сжимались, и перед нами был Розанов, повернувшийся другою стороной лица. Большинство его не любили. <...> Держался он вдали от других учителей, не принимал участия в попойках, не бывал в клубе и писал книгу. За это я его любила и хорошо приготовляла уроки» [8, с. 217].

Прогимназистки сочинили сатиру на В.В. Розанова и поместили ее в ученической газете «Хайло», издателем которой была В.И. Гедройц: «Вот идет сюда Васютка, / Посмотреть на рожу жутко». Но это были детские шалости, а то, как много значил учитель Розанов для В.И. Гедройц, отражено в стихах, написанных через 25 лет после окончания Брянской прогимназии. Вера Игнатьевна свои литературные сочинения подписывала аллонимом Сергей Гедройц, именем горячо любимого рано умершего брата (этим объясняется употребление мужского рода в стихотворении): «Если я падал душою, / Сердцем, борясь, уставал, / Ты своей песнью святою / К долгу меня призывал. / Тьмы беспощадный гонитель, / К свету, лишь к свету все вел, / И за тобою, учитель, / Гордо и смело я шел» [8, с. 217]. В.И. Гедройц называла Розанова незабвенным учителем и утверждала, что у нее осталось о нем самое светлое воспоминание.

Среди учеников Елецкой гимназии были М.М. Пришвин и С.Н. Булгаков, у которых по-разному сложились взаимоотношения с учителем географии в школьные годы. Так, М.М. Пришвин вспоминал: учитель Розанов «несправедливый, возбуждает в учениках младших классов отвращение, но от старших классов, от восьмиклассников, где учится, между прочим, будущий крупный религиозный философ и общественный деятель С.Н. Булгаков, доходят слухи о необыкновенной учености и даровитости Розанова, и эти слухи умирят наше детское отвращение к физическому Розанову» [17, с. 737].

Розанов, самобытный, много знающий, оригинально мыслящий, был несовместим с циркулярами, отчетами, какими-либо другими «формами», превратившими школу в канцелярию. Но прекращение педагогической деятельности не помешало ему выяснять причины, по кото-

рым отечественное образование оказалось в сумерках. Он познал тайну изменения отношения общества и государства к школе. По мнению Розанова, патриота и гражданина, она состоит «в развенчании бюрократических форм, примененных к духовному деланию, в котором они все неприменимы; в создании условий культурного труда, культурного воздействия учителя на ученика, культурного восприятия учеником этих воздействий, – в выработке духовных, идеальных способов воздействовать на духовные, на идеальные стороны в мальчике, юноше, девушке» [13, с. 758]. Это возможно достичь тогда, когда на уроке будет просвещение, т.е. «живое обращение соков в живом же организме» [13, с. 791].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белозерцев Е.П., Крикунов А.Е., Павленко А.И. Школа и семья в философско-педагогической публицистике В.В. Розанова. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2002.
2. Заварзина Л.Э. Педагогика // Розановская энциклопедия / Под ред. А.Н. Николюкина. М.: РОССПЭН, 2008. С. 1810–1814.
3. Заварзина Л.Э. Учитель // Розановская энциклопедия / Под ред. А.Н. Николюкина. М.: РОССПЭН, 2008. С. 2239–2242.
4. Заварзина Л.Э. Школа // Розановская энциклопедия / Под ред. А.Н. Николюкина. М.: РОССПЭН, 2008. С. 2318–2322.
5. Заварзина Л.Э. Педагогические взгляды Розанова // Наследие В.В. Розанова и современность. Материалы Международной научной конференции. Москва. 29–31 мая 2006 г. М., 2009. С. 535–545.
6. Зорина Г.В. «Кризис российской школы» в педагогических работах Розанова // Наследие В.В. Розанова и современность. Материалы Международной научной конференции. Москва. 29–31 мая 2006 г. М., 2009. С. 546–549.
7. Крикунов А.Е. Образовательная концепция В.В. Розанова (историко-педагогический анализ): автореф. дис. ... канд. пед. н. Елец, 1999.
8. Ломоносов А.В., Ватель-Гедройц М.Н. Гедройц Сергей // Розановская энциклопедия / Под ред. А.Н. Николюкина. М.: РОССПЭН, 2008. С. 215–218.
9. Николюкин А.Н. Розанов. М.: Молодая гвардия, 2001.
10. Панина Л.Ю. Воспитание человека культуры в философско-педагогическом наследии

В.В. Розанова: автореф. дис. ... канд. пед. н. Воронеж, 2012.

11. Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 13. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001.
12. Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 15. Русская государственность и общество (Статьи 1906–1907 гг.). М.: Республика, 2003.
13. Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 28. Эстетическое понимание истории (Статьи и очерки 1889–1897 гг.). Сумерки просвещения. М.; СПб.: Республика; Росток, 2009.
14. Розанов В.В. Сумерки просвещения. М.: Педагогика, 1990.
15. Розанов В.В. Уединенное. М.: Политиздат, 1990.
16. Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М.: Изд-во Московского ун-та, 1983.
17. Фатеев В.А. Пришвин Михаил Михайлович // Розановская энциклопедия / Под ред. А.Н. Николюкина. М.: РОССПЭН, 2008. С. 737–742.

REFERENCES

1. Belozertsev, E.P., Krikunov, A.E. and Pavlenko, A.I., 2002. *Sem'ya i shkola v filosofsko-pedagogicheskoi publitsistike V.V. Rozanova* [School and family in the philosophical and pedagogical essays of Vasily Rozanov]. Yelets: EGU im. I.A. Bunina. (in Russ.)
2. Zavarzina, L.E., 2008. *Pedagogika* [Pedagogy]. In: Nikolyukin, A.N. ed., 2008. *Rozanovskaya entsiklopediya*. Moskva: ROSSPEN, pp. 1810–1814. (in Russ.)
3. Zavarzina, L.E., 2008. *Uchitel'* [Teacher]. In: Nikolyukin, A.N. ed., 2008. *Rozanovskaya entsiklopediya*. Moskva: ROSSPEN, pp. 2239–2242. (in Russ.)
4. Zavarzina, L.E., 2008. *Shkola* [School]. In: Nikolyukin, A.N. ed., 2008. *Rozanovskaya entsiklopediya*. Moskva: ROSSPEN, pp. 2318–2322. (in Russ.)
5. Zavarzina, L.E., 2009. *Pedagogicheskie vzglyady Rozanova* [Rozanov's pedagogical views] In: *Nasledie V.V. Rozanova i sovremennost'*. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Moskva. 29–31 maya 2006 g. Moskva, 2009, pp. 535–545. (in Russ.)
6. Zorina, G.V., 2009. «Krizis rossiiskoi shkoly» v pedagogicheskikh rabotakh Rozanova [«The crisis of Russian school» in Rozanov's

pedagogical works]. In: *Nasledie V.V. Rozanova i sovremennost'*. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva. 29–31 maya 2006 g. Moskva, 2009, pp. 546–549. (in Russ.)

7. Krikunov, A.E., 1999. *Obrazovatel'naya kontseptsiya V.V. Rozanova (istoriko-pedagogicheskii analiz)* [Vasily Rozanov's educational concept (historical and pedagogical analysis)], avtoreferat dissertatsii kandidata pedagogicheskikh nauk. Yelets. (in Russ.)

8. Lomonosov, A.V. and Vatel'-Gedroits, M.N., 2008. *Gedroits Sergei* [Giedroyc Sergey]. In: Nikolyukin, A.N. ed., 2008. *Rozanovskaya entsiklopediya*. Moskva: ROSSPEN, pp. 215–218. (in Russ.)

9. Nikolyukin, A.N., 2001. *Rozanov* [Rozanov]. Moskva: Molodaya gvardiya. (in Russ.)

10. Panina, L.Yu., 2012. *Vospitanie cheloveka kul'turi v filosofsko-pedagogicheskom nasledii V.V. Rozanova* [The issue of educating a cultured person in the philosophical and pedagogical heritage of Vasily Rozanov], avtoreferat dissertatsii kandidata pedagogicheskikh nauk. Voronezh. (in Russ.)

11. Rozanov, V.V., 2001. *Sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 13. Literaturnye izgnanniki: N.N. Strakhov, K.N. Leont'ev* [Collected works: in 30 volumes. Vol. 13. Literary exiles: Nikolay Strakhov, Konstantin Leontiev]. Moskva: Respublika. (in Russ.)

12. Rozanov, V.V., 2003. *Sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 15. Russkaya gosudarstvennost' i obshchestvo (Stat'i 1906–1907 gg.)* [Collected works: in 30 volumes. Vol. 15. Russian statehood and society (articles of 1906–1907)]. Moskva: Respublika. (in Russ.)

13. Rozanov, V.V., 2009. *Sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 28. Esteticheskoe ponimanie istorii (Stat'i i ocherki 1889–1897 gg.)*. *Sumerki prosveshcheniya* [Collected works: in 30 volumes. Vol. 28. The aesthetic understanding of history (Articles and essays of 1889–1897). *The twilight of enlightenment*]. Moskva; Sankt-Peterburg: Respublika; Rostok. (in Russ.)

14. Rozanov, V.V., 1990. *Sumerki prosveshcheniya* [The twilight of enlightenment]. Moskva: Pedagogika. (in Russ.)

15. Rozanov, V.V., 1990. *Uedinennoe* [Solitaria]. Moskva: Politizdat. (in Russ.)

16. Solovyov, S.M., 1983. *Izbrannye trudy. Zapiski* [Selected works. Notes]. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (in Russ.)

17. Fateev, V.A., 2008. *Prishvin Mikhail Mikhailovich* [Prishvin Mikhail Mikhailovich]. In: Nikolyukin, A.N. ed., 2008. *Rozanovskaya entsiklopediya*. Moskva: ROSSPEN, pp. 737–742. (in Russ.)

